

Д 18994

ЧТЕНИЯ

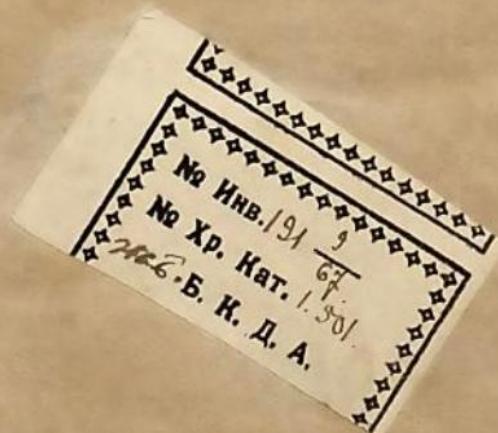
ИЗЪ

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ЗА ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I

П. Знаменского.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорского Университета.

1885.

Ж К - 1084

Еще большимъ вниманіемъ и благосклонностію сильной въ администрації партіи мистиковъ пользовались секты духовныя, распространявшіся въ русскомъ народѣ съ половины XVIII в. Духоборцы съ самаго начала царствованія успѣли разжалобить гуманное правительство жалобами на свои страданія и разоренія отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Жалобы эти были подкреплены представленими ревизовавшихъ тогда Новороссійскій край сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, принявшихъ горячее участіе въ положеніи сектантовъ. Съ цѣлью освободить послѣднихъ отъ тягостнаго для нихъ сожительства съ православными и „по уваженію претерпѣнаго сими людьми разоренія“ ихъ начали выселять съ мястѣ ихъ жительства въ Новороссію на Молочныя воды мелитопольского уѣзда; при этомъ имъ давалась на подъемъ ссуда изъ казны, а на мястѣ поселенія они получали земельные надѣлы до 15 десятинъ на душу, льготу отъ податей на 5 лѣтъ и полную свободу вѣроисповѣданія. Указомъ 1801 г. (10 декабря) на отчетъ губернаторовъ возложены „какъ спокойство духоборцевъ, такъ и защита отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію“. Въ февралѣ 1803 г. вышелъ замѣчательный указъ о свободѣ вѣры духоборцевъ. „Общее правило, говорилось здесь, принятое мною на заблужденія сего рода, состоить въ томъ, чтобы не дѣляя насилия совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однако же никакихъ вѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякие въ семъ соблазны не въ видѣ ересей, но какъ нарушение общаго благочинія и порядка“. На этомъ основаніи предписывалось, чтобы священники, не входя съ сими людьми въ споры и распри, старались обращать ихъ не состязаніями и принужденіями, а единственно кротостю примѣра и святостю жизни, избѣгали раздражать ихъ посѣщеніемъ въ ихъ домахъ и т. д., граж-

данскія же начальства чтобы воспрещали имъ лишь явные соблазны и нарушеніе общаго порядка разглашеніемъ ереси, и доколѣ не обнаружено будетъ съ ихъ стороны явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не судили и не обвиняли ихъ въ семъ преступленіи по единому смыслу ихъ ереси. Въ тѣхъ же видахъ чиновникамъ при слѣдствіяхъ не велѣно было входить съ духоборцами и др. раскольниками ни въ какія религіозныя разсужденія о верховной власти. При опредѣленіи духоборцевъ на службу по рекрутской повинности, отъ которой правительство не согласилось освободить ихъ, позволено, согласно съ ихъ религіозными убѣжденіями, не приводить ихъ къ узаконенной присягѣ. За пропаганду ереси и за нарушеніе общаго порядка они по прежнему предавались суду и по обвиненіи или отдавались въ военную сибирскую службу, или ссылались на нерчинскіе и селенгинскій заводы.

Духовное начальство съ своей стороны старалось выяснить вредъ духоборческаго ученія для церкви и государства. Для этого въ 1805 г. Евгений Болховитиновъ, которому тогда поручено было увѣщевать находившихся въ Петербургѣ подъ судомъ тамбовскихъ духоборцевъ, написалъ первое научное Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты, (остающееся доселѣ въ рукописи), но въ то же время по мыслямъ Лопухина написана была другая записка въ пользу духоборцевъ, которая и послужила къ утвержденію правительства въ мнѣніи объ нихъ, какъ о людяхъ, невинно гонимыхъ. На Молочныхъ водахъ духоборцамъ жилось очень хорошо; ихъ слобода Терпѣніе въ скоромъ времени сдѣлалась богатѣйшимъ селеніемъ на югѣ. Число ихъ все увеличивалось отъ прибытія новыхъ единовѣрныхъ поселенцевъ изъ разныхъ мѣстностей. Въ 1810 г. они были хлопотали даже о томъ, чтобы къ нимъ возвращены были на жительство духоборцы, сосланные въ разное время въ Сибирь, но въ этомъ имъ было отказано.

Сибирскимъ духоборцамъ впрочемъ и въ Сибири жилось не дурно, потому что еще въ 1804 г. они получили тамъ всѣ права мелитопольскихъ поселенцевъ. Въ 1816 г. правительство оказало новую милость духоборческимъ колоніямъ, переведя ихъ изъ вѣдомства министерства полиціи, которому поручены были прежде всѣ дѣла, касавшіяся раскольниковъ и сектантовъ, въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ на ряду съ другими колонистами Новороссійскаго края, т. е. поставило ихъ въ такое положеніе, которое всегда возбуждало зависть къ колонистамъ въ коренномъ русскомъ и православномъ населеніи имперіи.

Въ 1816 г. мелитопольские поселенцы подверглись опасному нападенію отъ херсонскаго губернатора Ланжерона; послѣдній послалъ объ нихъ два представленія въ Петербургъ, обвиняя ихъ въ развратной жизни и зловредныхъ для общества правилахъ и прося о переселеніи ихъ на другое мѣсто. Они съ своей стороны подали на высочайшее имя жалобу о притѣсненіяхъ отъ губернатора, государь принялъ ихъ сторону и сдѣлалъ Ланжерону весьма выразительное внушеніе. „Просвѣщенному ли правительству, писалъ онъ въ указѣ 9 дек., приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насилиствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра пораждается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенные надъ духоборцами въ продолженіи 30 лѣтъ до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножали число послѣдователей ея». Разъяснивъ смыслъ предпринятаго въ 1801 г. переселенія сектантовъ на Молочныя воды,

государь рѣшительно объявлялъ, что „не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ, но объ огражденіи ихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти“ и объ устройствѣ ихъ безопасности, „чтобы они могли почувствовать, что они состоять подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ“. Когда Ланжеронъ вздумалъ послѣ этого требовать наказанія жалобщиковъ за нанесенное ему безчестіе, государь еще суровѣе напомнилъ ему объ обязанности христіанина прощать обиды. Свѣтскія начальства впрочемъ постоянно почти заступались за духоборцевъ и безъ подобныхъ внушеній. Такъ наприм. за нихъ очень много заступался предъ духовною властью Сперанскій во время своего пензенскаго губернаторства.

Въ 1817 г., ободренные милостивымъ расположениемъ государя, духоборцы снова стали домогаться того, чтобы къ нимъ приселены были на Молочныя воды ихъ ссыльные братья изъ Сибири; о томъ же переселеній на югъ просили правительство духоборцы, сосланные еще прежде, во времена строгостей, въ кольскій уѣздъ архангельской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ имъ въ этомъ; но въ 1818 г. мелитопольскіе духоборцы прибѣгнули съ той же просьбой къ самому государю, проѣздомъ поѣхавшему ихъ селенія, и на этотъ разъ достигли своей цѣли: государь указалъ не только возвратить всѣхъ ссыльныхъ изъ Колы и изъ Сибири, за исключеніемъ лишь обвиненныхъ не въ одной ереси, а еще въ явныхъ преступленіяхъ, но и выдать имъ для переселенія прогоны, что обошлось тогда казнѣ болѣе, чѣмъ въ 6500 р. Тогда же вѣрно было—вслучаѣ открытія духоборцевъ предавать ихъ суду не прежде, какъ по представленіи о томъ комитету министровъ для доклада государю императору. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано было въ 1820 г. по представленію Сперанскаго только для явныхъ распространителей ереси въ Сибири, которыхъ, какъ и всякихъ другихъ

расколоучителей, во уважение дальнихъ разстояній погрѣвалось немедленно предавать уголовному суду, но все-таки „не за расколъ, а за вѣшніе поступки, съ буйствомъ или нарушеніемъ благочинія и порядка сопряженные“.

Правительство было такъ милостиво къ духоборцамъ, что только въ 1819 г. подвело ихъ подъ общее распоряженіе, простиравшееся на сектантовъ и всѣхъ раскольниковъ безпопѣвцевъ, не допускать ихъ къ выбору въ общественные должности. Въ 1820 г. въ виду умноженія числа мелитопольскихъ духоборцевъ имъ отведены были даже новыя прибавочные земли. Не болѣе, какъ черезъ два года послѣ этого правительство узнало, что обиліе земель въ рукахъ сектантовъ стало увлекать въ сектантство и православныхъ людей „единственно для пріобрѣтенія подобныхъ выгодъ“, и должно было распорядиться, чтобы надѣль духоборцевъ землею не превышалъ обычныхъ надѣловъ казенныхъ крестьянъ (по 15 дес. на душу). Вслѣдствіе такого постояннаго снисхожденія къ духоборцамъ секта ихъ, кромѣ Новороссійскаго края, гдѣ ихъ старались сосредоточить въ отдельныя отъ православныхъ селеній колоніи, и Сибири, куда ихъ ссылали за слишкомъ рѣзкое оказательство своихъ вѣрованій и за явную пропаганду, благополучно держалась и въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, въ пензенской, тамбовской, воронежской и харьковской губерніяхъ.

Не меньшими выгодами отъ правительства воспользовалась и другая духовная секта, однородная съ духоборчествомъ, — молоканская. Узнавъ о предоставлении свободы вѣры духоборцамъ, тамбовскіе молокане поспѣшили сбросить съ себя давнишнюю лицемѣрную личину православія, подъ которой они доселѣ таились отъ преслѣдованій, и открыто заявить свое сектантство. Смѣшивая ихъ съ духоборцами, правительство по временамъ и ихъ переселяло въ Новороссію и на Кавказъ. Права выборовъ въ обществен-

ныя должности они были лишены раньше духоборцевъ; въ 1814 г. встрѣчаемъ даже указъ „выбираемъ вмѣсто нихъ обывателямъ христіанского исповѣданія опредѣлять на счетъ ихъ достаточное вознагражденіе“, которое съ ихъ общества на Кавказъ опредѣлено было въ размѣрѣ третьей части всей суммы жалованья, получавшагося городскимъ головою, судьею и старостою. Тяготясь сожительствомъ съ православными, въ 1811 и 1814 гг. молокане сами просили правительство объ отводѣ имъ земель для поселенія въ Бессарабіи. Въ 1818 г. тамбовскимъ молоканамъ предложено было селиться на Молочныхъ водахъ вмѣстѣ съ духоборцами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ поселены были эти, и съ тѣми же земельными надѣлами. Но, прибывъ сюда съ радостю, они не надолго ужились съ духоборцами, съ которыми имѣли давнюю и постоянную вражду, и просили правительство отвести имъ другія земли въ днѣпровскомъ уѣздѣ. Послѣ этого въ 1821 г. имъ отведено было для поселенія до 29,700 десятинъ земли рѣ томъ же мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ жили духоборцы, но не вмѣстѣ съ послѣдними, а среди меннонитскихъ колоній и бывшихъ ногайскихъ владѣній. Первое здѣсь молоканско селеніе Васильевка образовалось изъ молоканъ, переселившихся изъ тамбовской, орловской и екатеринославской губерній; потомъ къ нимъ присоединились другіе переселенцы молокане изъ разныхъ мѣстностей и образовали еще два селенія, Астраханку и Новоспасскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по прежнему продолжалась ихъ колонизація въ астраханской и саратовской губерніи, усилившаяся особенно съ 1811 и 1814 гг. Ихъ колонисты изъ тамбовской, рязанской, пензенской и симбирской губерній массами шли съ мѣстъ прежняго тревожного житѣя среди православнаго народонаселенія на отдаленные отъ церковной и полицейской власти, богатыя и пустынныя мѣста по Волгѣ, Ахтубѣ и на Узенахъ, гдѣ могли устроиться и спокойно и богато и даже безъ

помѣхъ распространять свою ересь среди православныхъ, жившихъ тамъ почти совершенно безъ церковнаго надзора. Для цѣлей своей пропаганды они постоянно указывали православнымъ на свободу своей вѣры, какъ на ясное доказательство признанія ея истинности со стороны самого правительства; другимъ такого же рода доказательствомъ служили для нихъ Библіи Библейского общества, въ которыхъ при изданіи, какъ известно, исключены были всѣ прибавленія, относящіяся къ чину богослуженія православной церкви, какія печатались въ прежнихъ изданіяхъ,—по толкованію молоканъ это значило, что всѣ члены Библейского общества и сами архиереи были молоканами, только до болѣе удобного времени тайными, и что въ язычествѣ (т. е. православіи) оставались только деревенские попы да невѣжды мужики. Молокане отдали такъ же должную честь мистическому изданію Александровскаго времени; особенно понравилась имъ побѣдная повѣсть Ю. Штиллинга, въ которой они примѣняли къ православной церкви то, что Штиллингомъ было сказано о церкви латинской, а къ себѣ—его восторженныя рѣчи о духовныхъ христіанахъ, геригутерахъ и истинной Фіатирской церкви.

Кромѣ духовныхъ сектъ, вѣротерпимость правительства съ первыхъ годовъ царствованія Александра простерлась и на другія секты, которая, кажется, вовсе не подходили ни къ первоначальному либеральному, ни къ послѣдующему мистическому настроению въ правительственныхъ сферахъ, на секты старообрядческаго раскола. Въ реескрипѣ отъ 9 апр. 1801 г. относительно раскола было высказано общее требование: „съ заблуждающимися по простотѣ и невѣжеству, уклоняющимися отъ правовѣрія и правиль, св. церковію утвержденныхъ, вместо строгости, съ каковою до сего было съ ними поступаемо и которая не къ исправленію, но къ единому ожесточенію ихъ служить можетъ, отынѣ впредь не дѣлать имъ ни малѣйшаго притѣсне-

нія, но предоставлялось бы духовнымъ особамъ ихъ вѣ-
зумлять и наставлять на путь истинный безъ всяка-
го и съ ихъ стороны принужденія, но съ кротостю,
съ терпѣніемъ и съ усерднымъ настояніемъ,... имѣть
только попеченіе, чтобы повсемѣстное спокойствіе
вездѣ нарушающе не было. Нарушителей же онаго
отсылать къ сужденію по законамъ, куда слѣдуетъ“.
Въ 1803 г. на вопросъ малороссійского генералъ-гу-
бернатора о томъ, какъ ему поступать съ раскольни-
ческими попами, являющимися въ разныхъ слободахъ
ввѣренныхъ ему губерній, высочайшимъ рескриптомъ
отвѣчено: „Какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ
изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольни-
ковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ кре-
щенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть
онихъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь паль-
цы, и не подавая однако же имъ явнаго вида покро-
вительства“. Вмѣстѣ съ этимъ правительству нужно
было конечно допустить такое же смотрѣніе сквозь
пальцы на совершение между раскольниками всякаго
рода богослужебныхъ обрядовъ, а такъ же на суще-
ствованіе у нихъ церквей и часовенъ. Въ 1811 г.
на просьбу монахинь раскольническаго Климовскаго
монастыря черниговской губерніи объ освященіи цер-
кви государь по докладу о томъ министра полиціи
отозвался, что „считаетъ справедливымъ не чинить
помянутымъ монахинямъ препятствія въ продолженії
богослуженія, но и формального разрѣшенія на освя-
щеніе церкви не давать“. Встрѣчаемъ нѣсколько при-
мѣровъ формального запрещенія строить новый рас-
кольническія церкви, часовни и монастыри; но если
они являлись не формально, церкви и часовни безъ
церковныхъ главъ и крестовъ, а обители въ видѣ наприм. богадѣлень, ихъ не трогали. Поэтому возникно-
веніе ихъ было въ полной зависимости отъ степени
добросовѣстности и бдительности мѣстныхъ властей,
которыхъ раскольники прежде всего и старались зат-
добривать. Въ 1817 г. св. Синодъ жаловался государю,